

journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	91
page range	3-16
year	2010-04-30
URL	http://hdl.handle.net/10502/00008615

ВВЕДЕНИЕ

Тувинцы – коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. На территории Тувы, расположенной в бассейне Верхнего Енисея (площадь 175,5 тыс. кв. км), по данным переписи 2002 г., проживают 243.442 тувинцев, что составляет примерно 70 % от всего населения республики (общая численность свыше 305.510 чел) (Тюркские народы 2008:186).

В пределах Российской Федерации также проживают немногочисленные группы тофаларов (тофы) и сойотов, которые в прошлом входили в состав тувинского этноса, но впоследствии отколовшись от него, образовали две самостоятельные этнические единицы. В настоящее время тофалары (около 1 тыс. чел) живут в Нижнеудинском районе Иркутской области, сойоты (не более 3 тыс. чел) – в Окинском и Тункинском районах Республики Бурятия (История Тувы 2001:3).

Часть тувинцев проживает за пределами России: в Монголии (около 12 тыс. чел) и Китае (более 4 тыс. чел) (Монгуш 2002:17,23). В данной ситуации, безусловно, государственный фактор оказывает определяющее влияние на направление современного этнического развития различных групп тувинского населения.

Основная часть тувинского этноса проживает на территории России, где в пределах его расселения образована национальная государственность – Республика Тыва (с 1921 по 1944 гг. – Тувинская Народная Республика; с октября 1944 г. Тува в составе СССР сначала на правах автономной области, затем автономной республики; после распада СССР в 1991 г. – Республика Тыва в составе Российской Федерации).

Ныне Республика Тыва (РТ) является одним из 89 субъектов Российской Федерации, что находит отражение в разносторонних контактах тувинцев с другими народами, распространении русского языка как языка межнационального общения всех народов России.

На территории Монголии и Китая группы тувинского этноса составляют национальные меньшинства и не имеют национально-территориальной государственности. Находясь в иноэтничной среде, тувинцы в течение веков смешивались с другими народами, что приводило, в одном случае, к естественным ассимиляционным процессам, в другом – к их вхождению в состав соседних народов как этнографических групп. В то же время основной их массив в этих странах до сих пор продолжает сохранять свой родной язык, этническое самосознание и определенные

черты традиционной культуры. Все это в целом позволяет говорить о сложном и неоднозначном характере этнического и этнокультурного развития тувинцев за пределами собственно Тувы.

В российской историографии существует достаточно много интересных и разноплановых работ по самым разным аспектам истории, языка, культуры и этнографии тувинцев. Большинство этих работ посвящены тувинцам, живущим в Российской Федерации, где тувиноведение как самостоятельная область отечественного востоковедения получила развитие особенно за последние 50 лет.

Разрешением отдельных проблем по истории, языку, культуре и этнографии тувинцев занимаются научные работники Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска и Кызыла, среди которых тувинские и нетувинские ученые. Их предшественниками были такие известные исследователи Востока, как А.М.Позднеев (1880, 1883, 1887, 1896), Г.Н.Потанин (1883), В.В.Радлов (1888, 1894, 1907), Г.Е.Грумм-Гржимайло (1899, 1914, 1926, 1930), П.К.Козлов (1915), Б.Я.Владимирцов (1923, 1929, 1934), С.А.Козин (1941), Н.Я.Бичурин (1960), В.Н.Кюнер (1958, 1961) и другие. Им по праву принадлежит большая заслуга в разработке отдельных аспектов тувиноведения, так как в их фундаментальных трудах содержатся разносторонние материалы о различных народах Центральной Азии и Южной Сибири, в том числе интересные и ценные сведения по этнической истории, языку, культуре и этнографии тувинцев.

Немало сведений, причем очень разнообразных, о тувинцах XIX – начала XX вв. содержится в отчетах экспедиций, командировок и самостоятельных поездок, а также в полевых наблюдениях и заметках, составленных известными учеными, путешественниками, общественными деятелями и представителями царской администрации России: А.В.Адриановым (1888, 1904, 1917), Н.Ф.Катановым (1893, 1894, 1903, 1909), Е.К.Яковлевым (1900, 1909), Ф.Коном (1903, 1936), В.Поповым (1905), И.Сафьяновым (1915), М.Сафьяновым (1928), В.Родевичем (1910, 1912, Р.С.Минцловым (1915), П.Е.Островских (1898, 1927, 1927а), Н. Леоновым (1927), Н.П.Масловым (1933), Р.Кабо (1934) и другими. Опубликованные ими работы основаны прежде всего на личном контакте с тувинцами и очень добросовестном собирании и знании полевого материала, являющимся для исследователей необходимым и ценным источником.

Не менее важными источниками по этнической истории, культуре и этнографии тувинцев являются также статьи и монографии ряда российских ученых: В.И.Дулова (1956), Л.П.Потапова (1960, 1966, 1969, 1969а), Л.В.Гребнева (1960), В.А.Гребневой (1972), С.И.Вайнштейна

(1961, 1972, 1974, 1991, 2009), Н.А.Сердобова (1953, 1971, 1984), В.П.Дьяконовой (1975, 1976, 1977, 1979, 1981, 1984, 1995), Ю.Л.Аранчына (1982), М.Х.Маннай-оола (1964, 1970, 1986, 2004), С.Н.Соломатиной (1977, 1988, 1993, 1997), О.М.Хомушку (1998), З.В.Анайбан (1996, 1999, 2005), Г.Н.Курбатского (2001), М.В.Монгуш (2001), З.К.Кыргыз (2002), А.К.Кужугет (2002, 2006), Н.П.Москаленко (2004), В.Ю. Сузукей (2006, 2007), Ч.К.Ламажаа (2008, 2010) и других.

Последние двадцать лет ознаменовались активным изучением Тувы иностранными исследователями, среди которых особо выделяются американцы Дэвид Харрисон и Брайан Донахо, японцы Кадзуко Камогава, Кацухико Танака, Тетцу Масумото, Масахико Тодорики и Наоки Такасима, немка Анетт Оленшляйгель и другие. Все они в разное время попали в Туву, у каждого из них здесь сложилась «своя история покорения края». Результатом их исследований стала серия публикаций преимущественно на западноевропейских языках (Harrison 2000, 2004, 2005, 2007; Donahoe 1997, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009; Todoriki 2008, 2009, 2009a; Oelschlägel 2004, 2005). Несколько работ изданы на русском (Донахо 2006, 2007, 2008, Масумото 2001, 2002, 2003) и японском языках (Kamogawa 1990, Tanaka 2005, Takashima 1998, 1999, 2000, 2003, 2008).

Ряд серьезных исследований посвящены этническим осколкам тувинцев – тофаларам (П.С.Паллас 1788; И.Георги 1788; М.А.Castren 1859; Ю.П.Штубендорф 1854; Н.Костров 1871; Н.В.Васильев 1910; Н.Ф.Катанов 1891; И.А.Евсенин 1919; Б.Э.Петри 1926, 1927, 1927а, 1928, 1928а; Б.Чудинов 1931; V.Dioszegi 1963, 1968; В.И.Рассадин 1971, 1978, 1982, 2000, 2000а, 2008; Л.В.Мельникова 1994) и сойотам (Б.Э.Петри 1927; Л.Р.Павлинская 1993, 2002; В.И.Рассадин 1996, 1999; В.И.Рассадин, Д.Б.Цыренова 1996; Л.Г.Ирильдеева 2000; Н.Л.Жуковская, М.В.Орешкина, В.И.Рассадин 2002; Harrison 2008).

В отличие от весьма разноплановых исследований по тувинцам России, работ по так называемым зарубежным (монгольским и китайским) тувинцам сравнительно мало. О тувинцах Монголии существует ряд серьезных публикаций этнолингвистического, фольклорного, филологического и историко-этнографического характера. Они в основном написаны монгольскими (С.Бадамхатан 1960, 1962, 1996; Л.Болд 1968, 1975; Ж.Цолоо 1972; Г.Золбаяр 1993; Б.Баярсайхан 2001, 2002, 2003, Ц.Уламсуренгийн 1997, 2000, 2003, 2003а) и тувинскими учеными (Ю.Л.Аранчин 1975; Д.А.Монгуш 1983; М.Х.Маннай-оол 1995, 1995а; П.С.Серен 1993, 1997, 2000, 2007; М.В.Монгуш 1999, 2000, 2001, 2003, 2003а; Е.В.Айыжы 2002. З.Б.Самдан 2003). Большая заслуга в изучении

одной из групп монгольских (цэнгэльских) тувинцев принадлежит немецкой исследовательнице Э. Таубе. Основная часть ее работ опубликованы на немецком и английском языках (1967, 1970, 1974, 1974а, 1975, 1980, 1981, 1983, 1995, 2000, 2002, 2004, 2008); и лишь несколько из них – на русском (1975, 1994, 1980, 2007). Практически нет такой стороны их жизни и быта, которой она не коснулась бы в своих исследованиях. Вместе с тем есть публикации и других зарубежных авторов, также посвященные монгольским (хубсугульским) тувинцам (V.Dioszegi 1961, 1962, 1963а; O.Farkas, 1992; M.Pedersen 1999; A.Wheeler, 1999; E.Ragagnin, 2000). Цаатанами (или туха) Монголии занимаются японские исследователи Тетцую Инамура (2005), Микия Нишимура (2003) и Иппей Симамура (2004).

В работах о монгольских тувинцах можно найти весьма ценные сведения об их языке, численности, расселении, этническом составе, истории, культуре и т.д. Многие из них написаны исследователями-очевидцами, которые делали те или иные выводы на основе собственных наблюдений.

В настоящее время наиболее изученными из числа этнических групп, проживающих за пределами Тувы, являются монгольские тувинцы, что в известной мере объясняется наличием относительно беспрепятственной границы, благодаря которой осуществляются контакты не только между обычными гражданами, но и исследователями.

Несколько иначе обстоит дело с тувинцами, живущими в Китае. Вплоть до недавнего времени они оставались почти неисследованной во всех отношениях и даже загадочной группой населения страны. Как российская, так и зарубежная этнографическая наука долгое время не располагала какими-либо данными, которые давали бы более или менее целостное представление о них. Крайне редкие и очень скудные упоминания об этой группе тувинцев, встречавшиеся в научной литературе, представляли собой лишь мелкие штрихи, по которым невозможно было судить о ней (М.И.Венюков 1871; С.М.Абрамзон 1961; Ш.Кудайбердыев 1990). Те крупницы, которые нам удалось обнаружить, представляли собой небольшие по объему, но ценные по содержанию статьи, принадлежавшие, как правило, китайским исследователям (Сун Чжэнчун 1982, 1985; Хэ Синянь 1986; Сюй Лицзюнь 1989; Geng 2000). Результаты их работ впоследствии дублировались в нескольких публикациях российских авторов (Ш.Ч.Сат, Л.Ю.Доржу 1989; М.А.Решетов 1990).

Летом 1993 года автору данного исследования представилась возможность побывать в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, где состоялось личное знакомство с живущими там тувинцами, их

повседневной жизнью, бытом и культурой. Собранный нами полевой материал лег в основу нескольких научных статей (Монгуш 1995, 1995а, 1996, 1996а, 1998, 2000, 2003, 2003а, 2004, 2004а) и обобщающих монографий (1997, 2002). Это позволило частично восполнить существующий пробел в изучении китайских тувинцев, хотя, конечно, многое еще предстоит сделать в этом направлении.

После нас исследования среди китайских тувинцев вели, по крайней мере, еще два человека. В 2005 г. в Блумингтоне в США вышла монография казахского исследователя Таланта Мавканули «Тексты тувинцев Джунгарии» в серии «Исследования Института по Внутренней Азии» (Mavkanuli 2005). В ней содержится 13 текстов по истории; 7 историй жизни конкретных людей; 6 народных сказок; 7 песен и благопожеланий; 4 интервью; глоссарий и библиография. В 2007 году у китайских тувинцев побывал японский музыковед Масахико Тодорики; результаты его исследований опубликованы в электронной версии сборника датского общества по изучению Центральной Азии (Todoriki 2009а).

Настоящая монография является первой попыткой исследовать тувинцев России, Монголии и Китая в сравнительном плане, что само по себе является новой и актуальной проблемой, так как в российской и зарубежной этнологии она еще не ставилась. Более того, время и сопутствующие обстоятельства для этого, как нам кажется, уже назрели.

Основная цель предлагаемой работы состоит в изучении этнических и этнокультурных процессов, происходящих у тувинцев, проживающих в Российской Федерации, а также в Баян-Улэгэйском, Кобдоском, Хубсугульском аймаках Монголии и Алтайском аймаке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Особое внимание уделяется также проблемам развития у них современной идентичности.

Предметом изучения явилось этническое и этнокультурное развитие российских и зарубежных тувинцев, которое исследуется на основе анализа состояния таких важнейших этнических признаков, как язык, этническое самосознание, материальная и духовная культура, способность этнофоров к внешнему контакту. Правомерность такого подхода объясняется тем, что изучение истории формирования и специфики этнического развития вышеназванных групп является одной из актуальных задач современного тувиноведения.

Для более полного раскрытия темы нам пришлось тщательно изучить группу необходимых вопросов, без рассмотрения которых невозможно решение поставленной задачи, а именно, изучение основных этапов этнического и исторического развития тувинцев, исследование

объективных и субъективных причин вхождения Тувы в состав СССР в 1944 году; анализ этнического, лингвистического и конфессионального состава населения Республики Тыва – основного региона наиболее компактного проживания тувинцев.

Теоретической и методологической основой работы послужили исследования и обобщающие труды российских и зарубежных ученых по тем или иным теоретическим вопросам, которые так или иначе возникали перед нами. Например, очень важным моментом в нашем исследовании являлся вопрос о подразделениях этноса, в данном случае тувинского, которые в силу различных причин оказались в отрыве от материнского ядра и живут в иноэтничной среде. Несмотря на определенные достижения в изучении подобных этнических образований (Кузеев, Бабенко 1992:17-38), теоретические проблемы, связанные с определением их места в иерархии этнических общностей, долгое время оставались неразработанными. Отсутствовала и соответствующая терминология для обозначения всего многообразия упомянутого типа этнических общностей. Случалось, что некоторые исследователи часто употребляли одни и те же термины для обозначения типологически разных этнических явлений или наоборот – для обозначения этнических общностей одного порядка применяли различные термины.

В результате смысловое разнообразие используемых терминов не только затрудняло, но подчас и искажало понимание и без того сложной этнической реальности. Первая попытка обобщить накопленный материал по иерархии историко-культурных образований была предпринята Р.Г.Кузеевым и В.Я.Бабенко (1985:14). Они предложили все многообразие этнических общностей свести к двум основным, базовым типам подразделений этноса – этнографическим и этническим группам, которые «являются основными родовыми понятиями этнических образований, таксономически низшего порядка, чем этнос» (1992:17).

Согласно предложенной классификации, как этнографические, так и этнические группы являются подразделениями этноса и в этом качестве обладают, в пределах общих свойств этноса, определенным языковым и культурным своеобразием. Различает же их такой существенный признак, как территория формирования и функционирования. Этнографические группы, по Р.Г.Кузееву и В.Я.Бабенко, складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра, что весьма существенно.

Будучи органической частью материнского этноса, этнографические группы участвуют в процессе его консолидации в более сплоченную общность, в том числе и национальную, т.е. участвуют в поступательном

этнокультурном развитии этноса, общим результатом которого является постепенная нивелировка локальных особенностей и слияние с преобладающей, наиболее крупной и развитой этнической общностью. Другими словами, под этнографической группой следует понимать внутренние части этноса, отличающиеся от основного массива определенными особенностями в языке, в материальной и духовной культуре, однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах внутриэтнической консолидации (Кузеев, Бабенко 1992:18-19). В пределах Республики Тыва, например, этнографической группой могут быть признаны жители местности Кунгуртуг Тере-Хольского кожууна, в силу географических условий живущие достаточно изолированно от основной массы тувинского населения, а потому имеющие некоторые особенности в языке и бытовой культуре, но при этом все же вписывающиеся в контекст основного этноса. Этнографической группой можно считать также и тувинцев-тоджинцев, которые, с одной стороны, как бы и являются частью большого тувинского этноса, с другой – имеют ряд отличительных признаков в языке, хозяйственном укладе, антропологическом типе, фольклоре и психологическом складе, которые выделяют их из основной массы тувинцев. В литературе неоднократно отмечается, что тувинцы-тоджинцы отличаются от жителей других районов Тувы своим языком и обычаями, они «не представляют строго определенной расы», «среди них можно встретить как типичные европейские лица, так и монгольские, а также разные переходные степени», а честность у них «поразительная и это сильно отличает их от урянхов (тувинцев – М.М.) всех других хошунов» (см. Традиционная культура 2003:175-177).

В отличие от этнографических этнические группы расселяются и функционируют в известном отрыве от материнского этноса, вне основной территории его расселения, в большем или меньшем отдалении от нее в иной этнической, языковой и культурной среде. Оказавшись в изоляции, этнические группы, как правило, уже не участвуют в консолидационных процессах этноса, входя в языковые, хозяйственно-культурные и этнические связи с окружающим населением на новой территории. Этнические группы в силу объективных причин (территориальной, языковой, хозяйственно-культурной разобщенности с этническим ядром и, как следствие, слабой, иногда полностью отсутствующей связи с ним) как бы «выпадают» из орбиты общего этноэволюционного процесса этноса и с момента отрыва свое развитие продолжают в «автономном» состоянии, постепенно подвергаясь этнотрансформационным изменениям. Исходя из этого, Р.Г.Кузеев и В.Я.Бабенко предлагают относить к этническим

группам те осколки этноса, которые в силу исторических причин оказались вне основной территории этноса и, следовательно, в отрыве от него. При этом под понятием «этническая группа» они имеют в виду все типы территориально разобщенных частей этноса, в том числе оказавшихся в составе иных государственных образований (1992:19).

Таким образом понятие «этническая группа» по своему содержанию вполне применимо к тувинцам, живущим в Монголии и Китае. Так как группы эти функционируют в отличных, чем на основной территории расселения, условиях, их этническое развитие протекает несколько иным образом, отличаясь от материнского этноса интенсивностью, направленностью и особенностями этнокультурных процессов.

Однако при существенном различии между этническими и этнографическими группами, все же есть нечто общее, что их объединяет: как и любые другие формы этнической общности, их облик складывается в течение длительного времени под воздействием многих факторов – природно-географических, хозяйственных, исторических, этнических, демографических, политических и т.д. Особое значение имеют интенсивность и протяженность во времени культурных контактов этнических и этнографических групп с другими народами.

Многочисленные исследования этнических групп выявили другую характерную деталь, а именно, сохранение, порою и бытование архаических языковых, культурно-бытовых явлений, подчас более древних по форме, чем на территории основного расселения этноса. Хотя фиксирование таких элементов и не входило в задачу нашего исследования, тем не менее, мы попытались уделить им некоторое внимание в своей работе.

Важно также заметить, что применительно к монгольским и китайским тувинцам мы сознательно избежали термина «диаспора», ставшего «попросту модным, расхожим словом, которое принято употреблять, когда речь идет об этнических группах» (Safran 1991; Dabag, Platt 1993:117-145; Милитарев 1999:24-33; Попков 2002:6-22; 2003). Ознакомившись с многочисленными работами, посвященным теории диаспоры (Р.Бруйберкер 2000:6-32; П.Колсто 2001:6-38; Х.Полкингтон, М.Флинн 2002:8-34; В.А.Тишков 2000:43-63; 2003а:167; Ю.И.Семенов 2000:64-74; С.А.Арутюнов 2000:74-78; Г.Шеффер 2003:162-184; В.Дятлов 2004:126-138; М.Фадеичева 2004:140-154), мы пришли к выводу, что рассматриваемые нами группы тувинцев не могут быть определены как «диаспора», поскольку так называют тех, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы (Тишков 2000:43-63). Иными

словами, речь об этнической диаспоре может идти только в том случае, когда часть того или иного этноса живет на чужой этнической территории, принадлежащей другой этнической общности. Классическими моделями диаспоры являются евреи, армяне, греки, цыгане, палестинцы, китайцы, индийцы (Попков 2003:11). Тувинцы же таковыми не являются, так как изначально жили на своей исконной этнической территории, которая впоследствии была разделена между тремя государствами – Россией, Монголией и Китаем. Сегодня они представляют собой этнос, состоящий из этнического ядра, сосредоточенного в Республике Тыва, и этнической периферии – компактных групп, отделенных от основной части и живущих дисперсно в Монголии и Китае.

Поскольку тувинцы в каждой стране взаимодействуют с представителями разных этносов, мы не могли обойти стороной и спектр их межэтнических отношений. В теоретической этнологии и этносоциологии понятие «межэтнические отношения» служит для обозначения складывающихся в процессе жизнедеятельности и взаимодействия этнических общностей социальных отношений между этносами, этническими группами, а также отдельными людьми разных национальностей. В российской литературе выделяется два подхода к проблеме межэтнических отношений – деятельностный и семиотический (Ерохина 2000:27-31).

Сторонники деятельностного подхода С. А. Арутюнов, С. Н. Еремин, С. Г. Ларченко характеризуют межэтнические взаимодействия как преимущественно однонаправленный процесс воздействия более развитой культуры на менее развитую. При этом С. А. Арутюнов выделяет две модели межкультурного взаимодействия: взаимодействие локальных культур с общемировой индустриально-городской культурой и взаимодействие локальных культур друг с другом, частным случаем которого является взаимодействие между этническими культурами. Определяя культуру как систему способов деятельности, С. А. Арутюнов характеризует взаимодействие как асимметричный процесс, в котором одна из культур выступает донором, а другая – реципиентом (1989:114, 130, 157).

С. Г. Ларченко и С. Н. Еремин рассматривают межэтническое общение как одну из сторон целостного процесса межэтнического взаимодействия. Содержание межэтнического взаимодействия как стороны межкультурного контакта, по их мнению, является взаимодействие систем производства человека, а результатом – формирование новых этнических общностей (типа советского общества в прошлом). Эти авторы понимают культуру как конкретно-историческое единство системы социальной

деятельности (1991:100, 161, 163). Разделяя точку зрения сторонников деятельностного подхода, они приходят к выводу об односторонней направленности межкультурных, а значит, и межэтнических взаимодействий. Тем самым заранее предопределяется результат этих взаимодействий – передача накопленных культурных богатств из высокоразвитой культуры в слабо развитую. Под этим углом зрения сформировалась оценка содержания процесса межкультурного взаимодействия как безусловно положительного явления для всех его участников: более развитая культура оказывает менее развитой помощь, что способствует ее ускоренному развитию.

Сторонники семиотического подхода воздерживаются от такой однозначной оценки направленности межкультурного взаимодействия. А. М. Аблажей, например, рассматривает взаимодействие между этническими культурами как один из типов межкультурного взаимодействия и пытается построить типологию взаимодействия с точки зрения его субъектов. В качестве последних он выделяет: 1) локальные (этнические) культуры; 2) субкультуры, существующие в рамках единой культуры; 3) представителей разных культур, вступающих в индивидуальное взаимодействие. А. М. Аблажей определяет культуру как локально ограниченное, в структурном отношении целостное образование, главную роль в котором играют такие структурные элементы, как мифология, язык, религия, искусство, обычное право. Межкультурные, в том числе межэтнические взаимодействия, по его мнению, возможны, но они не носят закономерного характера, следовательно, нельзя заранее говорить о направленности этого процесса (1994:13).

Ю. М. Лотман, придерживающийся также семиотического подхода, в качестве существенного в процессе взаимодействия между культурами выделил такой признак, как поток информации, направленный от передающей культуры к принимающей, который в определенный момент меняет свое направление. В то время как один из участников взаимодействия осуществляет передачу информации, другой соблюдает паузу и находится на приеме. Существенной чертой подобного взаимодействия, как считает Ю. М. Лотман, является неприязнь принимающего к тому, кто над ним доминирует (1995:121-125).

Различия в характеристике направленности межкультурного взаимодействия, на наш взгляд, состоит в том, что у сторонников деятельностного подхода существует критерий (уровень развития технологий и степень независимости человеческого сообщества от воздействия природной среды), облегчающий оценку уровня развитости той или иной культуры, в то время как у исследователей, придерживающихся

знаковой концепции, есть сомнения по поводу того, что позиция взаимодействия подразумевает приязненные отношения народов в процессе межкультурного взаимодействия, их реального сближения, более того, они обращают внимание на то, что в ряде случаев результатом взаимодействия может быть «поглощение» (ассимиляция) одной из участвующих сторон другой.

Избегая полного переложения подобных теоретических разработок на тувинско-русские, тувинско-монгольские, тувинско-казахские, тувинско-китайские межэтнические контакты, мы все же отдельные их положения взяли на вооружение.

Особую сложность представляли для нас тофалары и сойоты. Исследуя механизм образования их в отдельные обособленные этнические единицы, мы постоянно задавали себе следующие вопросы. Насколько сохраняют и воспроизводят тофалары и сойоты социально-экономические и культурные параметры материнского этноса? Насколько их культурная характеристика в момент изучения являлась отражением влияния иноэтнической среды? Не трансформировались ли они в специфические этнические общности, не воспроизводящие в полном объеме структуры как своего этноса, так и преобладающего на территории функционирования группы?

Однако на примере тофаларов и сойотов мы воочию убедились, что широко распространенные представления о том, что результатом контактов этнических общностей всегда и непременно является взаимообогащение культур, далеко не всегда соответствуют реальности. Хотя взаимодействие первых и последних с другими этносами в целом сопровождалось приобретением новых, в большинстве прогрессивных компонентов культуры, оно также вызвало и потерю традиций, перестройку в хозяйстве, в этнической психологии, в сфере духовной культуры, в семье и семейных отношениях и т.д. При этом не все приобретенные культурные новации вписывались в структуру традиционной культуры, подчас, напротив, разрушали ее. В совокупности поток изменений вызвал временные спады в этнокультурном развитии рассматриваемых групп, ослабил уровень их консолидированности и, как следствие, привел к ассимиляции отдельных их частей в составе других этнических образований, появлению новых групп (в том числе перешедших на оседлость, сменивших сельский образ жизни на городской) со смешанными, переходными чертами культурных признаков. Сущность этих противоречивых процессов до сих пор мало изучалась, либо изучалась исключительно под углом «глубокой прогрессивности» любых межэтнических культурных взаимодействий.

В настоящее время у тофаларов и сойотов нет с материнским этносом

общей территории и реальных экономических связей, но они, несомненно, «осколки» тувинского этноса, превратившиеся в новые этнические общности со своими этнонимами.

Подобные случаи далеко не единичны, они происходят всюду, о чем, в частности, пишет А.М.Решетов: «У некоторых этнографических и этнических групп в те или иные исторические периоды проявлялась, а порой проявляется и сейчас, тенденция рассматривать себя как самостоятельную этническую единицу, а не как часть какого-то этноса» (1992:134). Поэтому стремление сойотов заявить о своей этнической самостоятельности не только от тувинцев, но и от бурят, частью которых они практически стали, во многом обусловлено желанием получить право на оформление национальной автономии, что, собственно говоря, и было осуществлено в ноябре 2000 года. Тофалары право на признание себя самостоятельным этносом получили гораздо раньше – в 1951 году и с тех пор его не утрачивали.

Материал по тофаларам и сойотам наглядно показал, что вопросы этнической идентификации, отнесения себя к тому или иному этносу или к его подразделениям часто решаются в зависимости от остроты той или иной этнической и конфессиональной ситуации. Так, в советское время сойоты с утратой тувинского, но с усвоением бурятского языка, который фактически заменил им родной язык, не спешили называть себя «сойотами», предпочитая в паспорта записываться бурятами. Однако в постсоветское время, когда влияние этнического фактора заметно возросло и стало престижным проявление любой этничности, усилилось национальное чувство сойотов и противопоставления себя бурятам: «мы сойоты, а не буряты». А тофалары, в свою очередь, сильно подвергшись в советское время христианскому влиянию, в постсоветский период стали вновь осознавать себя шаманистами и частично буддистами.

Длительные, чрезвычайно сложные и противоречивые процессы взаимодействия тофаларов и сойотов с представителями других этносов, их оторванность от материнского этноса, а также современные этнокультурные процессы, охватившие все народы бывшего СССР, в конечном счете привели к тому, что их первоначальная принадлежность к единому тувинскому этносу оказалась окончательно утраченной, а новая – тофаларская и сойотская – значительно укрепилась. Сейчас эти «осколочные» этнические общности играют самостоятельную роль в общественной жизни своих регионов и вполне возможно, что они продолжат свои усилия, направленные на их дальнейшее этническое и культурное возрождение.

В целях более полного освещения темы нами был привлечен

значительный круг самых разных по характеру и содержанию источников, которые можно разделить на следующие группы: литературные источники; данные, полученные из бывшего партийного архива Тувинского обкома КПСС, ныне Центра архивных документов партийных и общественных организаций (ЦАДПОО) – филиала Центрального Государственного архива Республики Тыва (ЦГА РТ), Рукописных фондов Тувинского института гуманитарных исследований (РФ ТИГИ), Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН (РФ ИМБТ СО РАН), Красноярского краеведческого музея; Архива С-Петербургского отделения Института востоковедения РАН; полевые материалы автора, характеризующие различные стороны хозяйства и культуры зарубежных тувинцев.

Значительный материал о тувинцах Монголии был получен у монгольских студентов тувинского происхождения, обучающихся на отделении тувинского языка и литературы филологического факультета Тувинского Государственного университета (ТывГУ). Именно их данные позволили выделить национально-специфические и иноэтнические черты, этнолокальную специфику в быту и культуре монгольских тувинцев.

При написании работы были применены методы комплексного анализа и историко-этнографической реконструкции. Структура монографии подчинена общим целям и задачам исследования; она состоит из Введения, четырех глав и Заключения.

Теоретические выводы, сделанные в работе, по большей части носят универсальный характер, их можно отнести не только к рассматриваемым тувинцам, но и к тем этносам, которые прошли примерно тот же путь исторического развития, что и тувинцы, и в настоящее время живут дисперсно. К ним относятся, например, казахи, киргизы, монголы, буряты, калмыки и другие, которые живут вместе с тувинцами в одном регионе – в Центральной Азии.

Мы надеемся, что результаты этой, вне всякого сомнения, очень интересной и вместе с тем достаточно сложной проблемы поспособствуют, с одной стороны, выявлению общего и особенного в этническом и этнокультурном развитии различных групп тувинского этноса, с другой – поможет выяснить и определить, какие компоненты этноса являются наиболее устойчивыми, а какие, напротив, подвержены трансформации и постепенной утрате. В то же время следует признать, что работа никоим образом не претендует на исчерпывающее освещение поднятой в ней темы, поскольку последняя слишком сложна и многоаспектна. Однако, если наш скромный труд хоть в какой-то мере поможет решению некоторых проблем этнической истории тувинцев, их языка и культуры, а

также места тувинцев среди других национальных меньшинств России, Монголии и Китая, то будем считать, что он не был напрасным.

Автор выражает глубокую признательность зарубежным коллегам, в первую очередь, известному английскому антропологу, профессору Кембриджского университета (Великобритания), доктору Кэралайн Хамфри, чья поддержка сыграла решающую роль в осуществлении поездки в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Непосредственное знакомство с живущими там тувинцами состоялось благодаря дружеской помощи китайских коллег, докторов Цуй Йен Ху и Дильмурата Омара, которым от всего сердца выражается искренняя благодарность.

При сборе материалов о тувинцах Монголии неоценимую помощь оказали граждане этой страны – У.Цэцэгдарь, Б.Баярсайхан, Г.Золбаяр, И. Папизан и другие. Весьма ощутимую профессиональную поддержку оказывал также директор Монгольского фонда культуры, доктор Ичинхорлоо Лхагвасурэн.

Автор считает своим долгом также выразить глубокую благодарность Национальному музею этнологии (г.Осака, Япония), прежде всего его директору, доктору Кеничи Судо за предоставленную возможность быть приглашенным профессором в 2009-2010 гг. Постоянную помощь в процессе работы оказывала директор департамента социальных исследований Национального музея этнологии (Минпаку), доктор Юки Конагая, чья вера в творческие возможности автора согревала ее вдали от родины. Ценные советы и замечания при подготовке монографии к изданию были даны профессором Сиро Сасаки (Минпаку).

Наконец, выход этой книги был бы невозможен без поддержки и любви родителей автора, Галины Шырвановны и Василия Бора-Хоевича Монгушей, а также ее супруга Александра Юрьевича Кривоногова, которым низкий поклон за их понимание, терпение и заботу.